

На снимке: народный артист СССР Игорь Владимирович Ильинский и поэт Самуил Яковлевич Маршак.

...Работая над Гоголем и Толстым, я всемерно старался проникнуть в их интонационный строй, а работая над современными авторами, я всегда прислушиваюсь к авторскому чтению. Ведь в этом чтении, при всем его несовершенстве, почти всегда четко выражена авторская мысль, а также ритмическая основа произведения. Я уже писал в этом плане о Маяковском. В чтении М. М. Зощенко можно было найти зерно образа самого рассказчика, так как он читал на громадном серьезе, без тени комикования, очень просто и естественно. В чтении С. Я. Маршака очень хорошо проявляются мысль и ритм, грусть, мягкий юмор и скрытый задор исполняемых им стихов. С. В. Михалков очень искусно меняет ритм исполнения, наталкивая на живую и неожиданную разговорную интонацию стиха. Очень занятно использует Михалков во время чтения даже свое заикание. Довольно сильно заметно в жизни, при чтении стихов и басен оно почти совершенно незаметно. Если же Ми-

халков все же где-либо неожиданно и заикнется, то он обращает это на пользу резкой и интересной сменой ритма или для того, чтобы разговорной скороговоркой украсить окончание стихотворной фразы или строчки. От этого его чтение только выигрывает. Общаясь с современными советскими писателями, читая их стихи и рассказы, я невольно подружился с этими талантливыми людьми, и такая дружба имела, да и теперь имеет для меня большое значение. Так была для меня всегда неисчерпаемо благотворна каждая моя встреча с С. Я. Маршаком. Он заражает собеседника своей любовью к поэзии, своим знанием и проникновением в тайны ее мастерства. Как проникновенно рассказывал он о мастерстве Пушкина, обращая, к примеру, внимание на то, как замечательно звучит у великого поэта сознательное повторение прилагательного, которое в другом сочетании слов и смысла могло бы показаться искусственным:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

Звучащее слово

В журнале «Театр» публикуются интересные мемуары народного артиста СССР И. В. Ильинского. В одной из глав он рассказывает о работе над «звучащим словом», о том, что как чтец он в свое время привлек к себе внимание руководителей Малого театра и стал его актером. И. В. Ильинский рассказывает также о творческой дружбе с писателями...

На печальные поляны
Льет печальный свет она,

Он заражал меня восхищением
лермонтовской поэзией, благоговейно читая:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездой говорит...

Он говорил о «тишине», которая подчеркнута строкой «и звезда с звездой говорит», о поэтическом звучании этой тишины.

А затем Маршак с увлечением читал мне некрасовского «Филантропа», любуюсь словом «частью» в начале стихотворения, характерным для чиновного разговорного стиля.

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете...

Затем Самуил Яковлевич с воодушевлением и юным порывом рассказывал, как он добивался правильного звучания той или иной строчки, как кропотливо искал вер-

ного отображения Бернса или Шекспира в своих переводах. Невольно для самого себя он становился учителем актера, так как, вводя в сложный процесс своего мастерства, он прежде всего заставлял меня задумываться и искать такой же точности и лаконичности и в мастерстве актера. Я уходил от него, словно надышавшись творческим «кислородом».

Не менее плодотворно и интересно протекали встречи с К. И. Чуковским. А талантливейший С. В. Михалков всегда заражал меня своим острым восприятием нашей действительности, своим неисчерпаемым юмором. Мне кажется, что он ценил мое понимание его юмора: не было басни, которую бы он мне не прочитал и не узнал бы моего мнения перед ее выпуском в свет. Так же дружески он посвящал меня в свои драматургические и сценарные замыслы. Дружба наша с Михалковым была полезна и для него самого. Я не только пропагандировал с эстрады его детские стихи, я был тем, кто, дав тему, убедил его написать первую шуточную басню; так сказать, с моей легкой руки Михалков стал увлеченно писать свои великоколесные басни.

Я убежден, что и драматург, и сценарист должны дружить с актером. Но ведь есть еще драматурги, которые совершенно сознательно

избегают этой творческой дружбы: актер, оказывается, им мешает и может сбить с верного

пути. Я знаю на практике, что требования актера, заключающиеся в правдивости действий, в логике развития образа, часто воспринимаются драматургом не как стимул к усовершенствованию произведения, а как досадное вмешательство, излишняя придирчивость. Драматург забывает, что такая «придирчивость» порождается стремлением актера к максимальной сценической и художественной правде. Актер, в труде и муках рождая образ, не может пользоваться клеєм и ножницами, он должен оправдать каждую секунду своего пребывания на сцене. Но актер вовсе не хочет быть свидетелем того, как драматург, изменяя характер действующего лица своей пьесы, отрицательный персонаж превращает по ходу работы в персонаж положительный, достигая этого применением все тех же клея и ножниц и не трогая весь прочий текст...

Это один только мелкий пример. А мало ли творческих вопросов, о которых можно было бы поговорить драматургу с актером! Как жалко, что их дружба заменяется казенными «встречами» в театре за чайным столом. Устраиваемые один раз в три года, эти встречи ограничиваются полуофициальными речами и призывами к творческой дружбе — по примеру дружбы Гоголя и Щепкина...